

ВСЕ

ВИКТОР

ПРОНИН

ВЫИГРЫВАТЬ

НАДО УМЕТЬ

Виктор Пронин

Монблан

«ЭКСМО»

Пронин В. А.

Монблан / В. А. Пронин — «Эксмо»,

«Мой почтовый ящик являет собой многократно взломанное, искореженное, вспоротое сооружение из толстой жести. Номер квартиры написан мелом, верхняя щель стала овальной – кто-то постоянно сует туда толстые свои пальцы, кто-то очень интересуется, от кого я письма получаю, чем дышу, на что живу, какие тайны у сердца ношу. Кроме того, ящик, выкрашенный когда-то в нежный небесно-голубой цвет, ныне покрыт ужасными черными пузырями вздувшейся краски, поскольку его чуть ли не каждую неделю поджигают шалуны, сбежавшие с уроков соседней школы. Они прячутся в подъезде от мороза, дождя, жары, от родителей и учителей. Им скучно, бедным, им тягостно, и, покуривая сигаретки, они неустанно сочиняют себе развлечения...»

© Пронин В. А.

© Эксмо

Виктор Пронин

Монблан

Мой почтовый ящик являет собой многократно взломанное, искореженное, вспоротое сооружение из толстой жести. Номер квартиры написан мелом, верхняя щель стала овальной – кто-то постоянно сует туда толстые свои пальцы, кто-то очень интересуется, от кого я письма получаю, чем дышу, на что живу, какие тайны у сердца ношу. Кроме того, ящик, выкрашенный когда-то в нежный небесно-голубой цвет, ныне покрыт ужасными черными пузырями вздувшейся краски, поскольку его чуть ли не каждую неделю поджигают шалуны, сбежавшие с уроков соседней школы. Они прячутся в подъезде от мороза, дождя, жары, от родителей и учителей. Им скучно, бедным, им тягостно, и, покуривая сигаретки, они неустанно сочиняют себе развлечения. Юные их подружки, бесстрашно обнажив тощеватые коленки, стараются не отставать. Им хочется огня, пожара, бунта им хочется, разбоя и непокорности. Душа их жаждет раскрыться в деле рисковом, мятежном, чреватом самыми отвратительными последствиями. И можно ли винить ребятишек за то, что в их незрелый ум изо дня в день приходит одна и та же забава – поджечь газеты в почтовых ящиках. Услышав звонок в школе, они в благодарность дому за то, что укрывал он их и грел, и кормил, а некоторые мои соседки так и норовят всучить им сердобольные бутерброды, так вот, чтобы никто не думал, что продались за хлеб и колбасу, идут они на поджоги, как шли их деды и прадеды, которые в неудержимой жажде справедливости жгли дома, библиотеки, картины, крушили ненавистные статуи, били ненавистный фарфор и рубили ненавистные липы. Что делать, продажность процветала столь долго и кроваво, что сделалась в сознании народном едва ли не самым страшным преступлением.

Но поскольку благодарность внешне действительно похожа на продажность, пришлось от нее отказаться, а заодно и от вежливости, так неразлично напоминающей угодничество. Да и порядочность, которую не всегда отличишь от презренной трусоватости... Похоже, мы отказались от многих качеств, затруднявших общение, загромождающих его ненужными словами и телодвижениями. И вот, упростив таким образом свой внутренний мир, добились той ясности в поступках, которая отличает моих постояльцев в подъезде, когда они поджигают содержимое сразу нескольких ящиков и с надсадно-торжествующим хохотом, напоминающим удовлетворенный рев снежного человека, катятся вниз по ступенькам, вырываются наружу, причем далеко не всегда дверь после их бегства остается на петлях. А в школе их уже ждут заботливые учителя, чтобы преподать уроки нравственности и духовности.

Ну, да ладно...

Открыв почтовый ящик с помощью ножниц и отвертки, я вдруг увидел, как из пачки газет выскользнул легкий, почти невесомый листок и, раскачиваясь, словно на невидимых качелях, устремился вниз, проскользнув сквозь прутья перил. «Повестка!» – оборвалось все во мне. Уныло и покорно, будто за мной уже шли конвоиры, я поплелся вслед за листком. В последнее время меня частенько вызывают в суд. В качестве клеветника. Зачем ты, такой-сякой, оговорил взяточника, как посмел расхитителя назвать вором, а подделку документов – преступлением? И я хожу, отвечаю на вопросы, даю показания, пишу объяснения и даже позволяю себе иногда обидеться на судью, что само по себе уже предосудительно.

Но речь не об этом.

Настиг я все-таки желтоватый листок, поднял его, но когда всмотрелся в угрожающе заполненные графы, сердце мое забилося радостно и тревожно – это была не повестка в суд, не вызов в военкомат для прохождения службы, не предупреждение об отключении телефона, не требование издательства забрать свою поганую рукопись... В руках я держал почтовое уведомление – меня приглашали получить посылку из... Из Федеративной Республики Германии.

Ошарашенность, боязнь ошибки, смятенная прокрутка событий последнего года и, наконец, крепнущая надежда, а потом и уверенность – все правильно.

Что делать, так редко получаешь радостные вести, что даже самая малая неожиданность помнится едва ли не всю жизнь. До сих пор во всех подробностях помню, например, как еще школьником, в четвертом или пятом классе, возвращаясь домой, я увидел вмерзшую в лужу десятку, ту еще десятку, старую. Опасаясь, что старшеклассники отнимут драгоценную находку, я присыпал ее снегом, нашел на свалке мятую лопату без черенка и, вернувшись, выдолбил десятку вместе с куском льда. И, зажав его под мышкой, чувствуя его холод сквозь куртку, счастливой трусцой понесся домой. Погрузив ледышку в тазик, я залил ее горячей водой и стал ждать, когда моя находка освободится из ледяного плена. Потом мокрую, роняющую капли мутной воды, промокал газетами, зажимал между промокашек, прикладывал к теплым кирпичам печи, и наконец, о счастье, в моих руках шуршала сухая, готовая к употреблению десятка. Хотя, казалось бы, о чем речь? На нее можно было купить несколько пачек мороженого, только и всего.

Положив уведомление в укромное место, я оглянулся, чтоб не забыть, куда положил, со мной такое случается. Все мои дальнейшие приготовления уже сами по себе были праздником – я искал паспорт, авторучку, чтоб без помех заполнить на почте необходимые бумаги, запасаюсь деньгами на случай неожиданной пошрины. Домашние, заметив мою суету, конечно же, попытались узнать, в чем дело, но я был недоступен в своей загадочности.

По улице я шел, осознавая, что давно мне не было так молодо и солнечно. Увидев знакомого пьяницу, я проникся к нему сочувствием и пониманием, кивнул соседу, добрым взглядом окинул старушек с астрами в ведрах и бесстрашно подумал, что астры – единственные цветы, о которых могу сказать, что люблю их. Да, я решился на это признание, хотя и не принято у нас говорить о любви к цветам, к дождю, к снегу. Да и к людям тоже... С последствиями могут быть такие объяснения. Так уж сложилось, что за подобными признаниями привыкли видеть слабость и слюняйство. А тут вдруг, набравшись мужества, я сказал себе – люблю астры. Потом увидел, как просвечиваются прожилки желтых листьев клена, как пляшут на асфальте солнечные зайчики, отметил, какое пронзительно синее небо бывает осенью в ясную прохладную погоду, как хороша прозрачность берез, серебристая тяжесть самолета, идущего на посадку, сколько значения в далеком гуле электрички...

Честно говоря, я уже знал приблизительно, от кого могла быть посылка. Года три назад случайно в центре Москвы я познакомился со славной женщиной, приехавшей с капиталистического Запада полюбоваться на наши социалистические прелести. Она слегка говорила по-нашему, была в восторге от Кремля и эскимо, а кончилось все тем, что мы обменялись адресами. Выйдя на пенсию, она посвятила себя путешествиям и время от времени присылала открытки то из Южной Америки, то из Северной Африки, зимой открытки приходили из австрийских Альп, весной – из солнечной Франции, а осенью ей очень нравилась Австралия. Наши почтальоны смотрели на меня с почтительным подозрением. Не исключая, что в некоторых знающих конторах кто-то из-за этих открыток смотрел на меня с подозрением без всякой почтительности, но пока не тревожили, вопросов не задавали. Видимо, легкомысленный характер переписки был очевиден и нарушений государственных законов в ней не усматривалось.

Как-то я написал, что попал в жестокую автомобильную аварию, что-то себе сломал, отшиб, но выкарабкался, выжил, и, хотя внешне прекрасен, как всегда, дух мой поврежден и прежней беззаботности во мне поубавилось. Ответ пришел неожиданно быстро. Моя знакомая, как смогла, изложила сочувствие, а в конце не совсем правильно и оттого особенно откровенно спросила, не может ли она чем-либо меня утешить, не хотел бы я получить какой-нибудь подарок...

Получив такое письмо, я растрогался, поскольку после аварии стал почему-то легко впадать в слезливое состояние. К тому же письмо повергло меня в мир несбыточных фантазий, вернуло к позабытым мечтаниям, отброшенным из-за своей неисполнимости. С горьким прозрением я осознал вдруг, что до сих пор так и не обзавелся приличными джинсами, а в наших, отечественных джинсах, меня принимают то за сантехника, то за подсобного рабочего из овощного магазина, а однажды прямо на улице шустрая тетенька прямо спросила, не могу ли я достать пять литров паркетного лака. Дошло до того, что какой-то хмырь с белесыми глазами предложил пятнадцать рублей за бутылку водки и даже изловчился сунуть мне деньги в карман. В тот момент за бутылку водки я бы отдал ему все двадцать...

Да, джинсы непередаваемого синего цвета, с «молниями», металлическими нашлепками, расшитыми золотом карманами, с брелочком... О! С каким достоинством я ездил бы в разные редакции, предлагал бы всякие рукописи, и вряд ли кто осмелился бы намекнуть мне, что, дескать, не мешало бы над романом еще поработать, а повесть бы поджать, а рассказ переписать... А будь у меня еще кроссовки и с металлическими пуговицами рубашка...

Однако я безжалостно стер в своем воображении эту прекрасную картину, сурово заклеив себя за корыстолюбие. В самом деле, если мне предлагается выбрать подарок, то это вовсе не значит, что я могу тут же разорить доброго человека своими выпренными представлениями о самом себе.

Надо что-то скромнее, пристойнее... В конце концов, штаны – они и есть штаны, и заставлять достойную женщину бегать по магазинам, стоять в очередях... Как все-таки хорошо, что я вовремя остановился.

И перед моим мысленным взором небольшой, с книгу величиной, транзистор. Я представил, как буду брать его в командировки, в отпуск, как поздним вечером слушаю чарующую музыку, скорее всего, аргентинское танго, его сладостные и томительные ритмы, а потом ловлю самые свежие новости, переносюсь на соседний континент, еще дальше... Я прямо видел, как выбрасывается из моего транзистора тонкая блестящая антенна, как таинственно светится в темноте красная лампочка – значит, волна поймана точно, звук чист и сочен... А еще я представил свой транзистор в глухом лесу, на берегу моря, в горах, в маленькой подслеповатой деревеньке, куда я время от времени, как в надежную берлогу, забираюсь зализывать раны...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.